

Уже в аэропорту имени Шарля де Голля в преискусственных спектаклях под латинским названием «О, Париж!» что-то сладко обрывается внутри и ты чуть ли не бежишь по эскалатору. Все поводи, в дело вступает тонков и многогранное искусство зарубежных звездной молодежи театра «Драматической цивилизации на Арбате» (име Московский муниципальный театр, чья всеобщим спонсором является швейцарская фирма «Бернана»). Шутка ли! Свиста нет после создания коллектива — скачок не на заводе Европы, а десант в ее центре, пропавшим на новейших повертках мирового искусства.

ФЛИБУСТЕРЫ С АРБАТА

Повод поговорить о себе на фоне Парижа

С нами — пять спектаклей, все на любой вкус. Этаким «эпаториал», рассчитанным на эстетов коктейль из «Стрип-тиза» С. Мрожека, «Приди-уйди» С. Беккета, а также сочинения трех русских парижан: Игры в жуирники М. Волохова, притча на библейскую тему «Иона» Алексея Хвостенко и полужирные вариации по мотивам блоковского «Двенадцати» на музыку Мишеля Карского.

И вот — один из парижских тупики, где зрители с метро Колонель-Шабен под крышей гигантской мастерской сгружаема тонна режиссуры. Здесь помещается штаб-квартира Ассоциации русских художников (АРХ) — главного организатора наших гастролей. Кое-кто здесь и живет, засыпая чуть ли не в обнимку со своими холстами. Что делать? Далеко не все преуспевает, из тысячи тысяч обитателей в Париже полтора удачно выбирают сытные единицы. На кухне уже разливают привезенную с собой водку, звучат приветственные то-сты, наши дамы-актеры косяк стреляют глазками. Обговариваем процесс расселения по квартирам, всем заправляют А. Хвостенко и В. Савельев, на чьей визитке красуется звучный титул президента упомянутой ассоциации. До дня официального начала гастролей более четырех суток.

Выступили на сцене творческого центра Эспас Конфлюэнс, расположенного на бульваре де Шарон, в двухстах метрах от парижской рэлики — кладбища Пер-Лашез. Зал на сто с лишним мест, аренда — 2500 франков в сутки. Обычно аренда обходится дороже, но нам то

ли по бедности, то ли благодаря дипломатическому умению В. Савельева делают скидку. Три варианта билета: полный — 80 франков, средний — 50 франков, а далее 30 франков — для близких друзей и приглашенных. Такая градация в новинку, но в дальнейшем она оказалась как нельзя более уместной. Сразу скажу, что расходы на аренду окупилась с лихвой.

Наутро, взяв свою порцию афиш, ядем с М. Волоховым прямоком в Латинский квартал, к знаменитому театру «Одеон». На фронтоне «Одеона» — неоновая реклама спектакля «Балкон» по пьесе Ж. Жене. Более ин-

чего. Ни одного упоминания о репертуаре, «балкон», как и другие спектакли, гоняют «до упора», пока приходит зритель. «Бродвейская» привычка в действии. Не то что у нас: театр облеплен громадными цитатами с репертуаром на месяцы вперед, а в зале — пусто, хоть плачь.

Первый прикол Нам отказывают повесить афишу у спускного входа в «Одеон». Заворожен. Заворожен в Сорбонне. Клем сразу три афиши в перадном вестибюле. У ресторана «Русская балалайка», куда заезживаем публика из «Одеона», терлим еще одно фиаско. Заведение закрыто до вечера по понедельникам, как и другие значные места. Самоуничтожить нельзя. Накинувшую без разрешения афишу хозяева сорвут и будут трижды правы, пустив твой труд насмарку. Наступает собственность! А при договоренности афишу будет висеть ровно столько, сколько продлится гастроли. И только день в день по окончании ее снимут.

Ритм Парижа овладевает тобой исподволь, незаметно, так транквилизатор. Ты в городе, где любое самое безумное желание можно воплотить в момент, были бы средства. Никто не поддирвет, не подгонит ни взглядом, ни жестом. Приходит на ум, что это не город, дружно воспеваемый и воспеваемый всем миром, а некое заколдованное место на земле, способное обогатить, окрылить и возвысить самую интимию душу. Здесь ты не базильный косяк, комплексующий валяг с Востока, а суверенная частица цивилизации.

На открытии зрительный зал был переполнен. В основном нас смотрела эмигрантская художественная

ября 1991 года

журнал и спектакль — 1891-14кад. (N 46) -

13-

12 страница

Еще одно фирменное абсурдистское блюдо прошло на «ура» — «Приди-уйди». Поздний С. Беккет и в этой короткой пьеске верен себе. Минимум текста дает максимум для режиссерского воображения. Спектакль Д. Гогитидзе, последовательно работающий в еще не привычной для нас традиции постдраматизма, искривил лукавым юмором. Хотя мрачная атмосфера пьесы, кажется, к этому не располагает. Впрочем, наш театр при постановках Беккета, начиная с «Годов», любит придать действию сверхмногозначительность, выстроить многоточный психологический ребус. Отчего суперлириксис иногда выглядит неуклюжим мастодонтом. Здесь режиссура обходится с «нобелатами» легко и непринужденно, предпочитая не блуждать в лабиринтах авторского замысла.

Три странные, нелепые фигуры в экзотических одеяниях, положение на космических привилегиях, устраивают виртуозный балет с уморительными разведениями и переодеваниями (сценография М. Борисова). Троица и реплики персонажей напоминают отработанный до малочеловеческого ритуала какой-то священнодействия. Персонажи подчеркнуты условны, лишены индивидуальных черт.

Алексей Хвостенко, уже тринадцать лет проживающий в Париже, разносторонне одаренная личность. Доверию известный художник, он также пишет стихи и короткие пьесы. «Иона» написана в соавторстве с живущим в Мюнхене А. Волоховским. После спектакля оба выступили миминималистами. Нет нужды пересказывать известный всем библейский сюжет из «Книги о пророке Ионе». Главный акцент был сделан на зрелищной стороне спектакля. Костюмы сценографа М. Борисова, его изобретательная световая партитура. Отточность каждого актерского жеста. Тяга к мистериальному театру. Режиссерский тандем Г. Сиданова — Д. Гогитидзе вылился в этой работе без остатка. Библейский эпос читается сквозь нравственную оптику. Иона приходит к вере в Бога после изнурительных духовных терзаний, заплатив за открывшийся дар пророка базисным одиночеством.

Один из самых значительных спектаклей в гастрольной афише — музыкальная оратория Мишеля Карского по мотивам поэмы А. Блока «Двенадцать». За эту постановку Г. Сиданов брался не без внутреннего сомнения. Но потребность в эксперименте, в художественном риске взяла свое. Впервые в своей режиссерской практике он исходил из музыкального материала, предложенного композитором. Блоковский текст в спектакле до ядра взрывается страстным речитативом, то нисходит до отчаянного шепота. Текст виртуозно читает на различных языках Елена Петросия, представлять известную в русском Париже фамилию.

Из области музыкальных идей и образов постановщик остановился на одной ключевой мысли. Задача революционного переустройства мира непосильна для простых смертных, этот катаклизм истории обрывает их на

неизбежные страдания. В адском круговороте 1917 года палачи тотчас становятся жертвами. Тотчасский тезис: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты рокового» по меньшей мере нуждается в переосмыслении. Неполный груз кровавых страстей ломает людей. Человечество приходит к миру, но не к счастью, а к катастрофе. Быстро убеждаешься в собственном бессилии. Как нигде, это заметно на примерах из российской истории. Блоку это открылось в революционном угаре, и он не смог оправиться до конца от увиденного, особенно от образа удалого мужика с окровавленным топором в берских полях.

В «Двенадцати» авторы спектакля смотрят на историю с высоты птичьего полета, волюнтариста событийный ряд поэмы. Фантазия, состоящая сплос из апокалипсических видений, предрассудков Пушкинина и Достоевского. Авангардная музыка М. Карского с широким спектром струнных и духовых инструментов, среди которых особо выделяются партии флейты и гобоя, достигают обильного эффекта звучания симфонического оркестра. Сем М. Карский, человек европейского лоска и редкой участливости, приспосабливает себя и еще малоизвестному нами искусству русского зарубежья, поднимаясь и живущего вне России, но датского по языковому родителю не утратившего с ней духовной связи.

Игра в жуирники М. Волохова завершает гастроль (постановка — Д. Гогитидзе). В зале преобладали французы. Кто-то отказался после аплодисментов очень точно: «Спуск в бездну без страховки». Нравственный распад, жаждаемый крах героя пьесы — убийц по призыву был сыгран актерами прима, сонно, с обильным инцеллюизмом, как у истинных сынов Сисемона. Окунавшись в кошмарную атмосферу советского бытия, благополучная публика тайно пожимала плечами. Сам автор охарактеризовал свою ювентусскую фреску как «прохождение с коммунистической иллюзией».

А вот прощание с Парижем — словно неспешный спуск с покоренной вершины. Эмоциональная опустошенность от калейдоскопа встреч и лиц свлечет, как толпа поведет на кладбище Пер-Лашез. Уют при приближении и моткая легкая грусть — романтический Мориона обрывает и превращает Париж отступает прочь. Остается один соблазн — желание одиночества. Сгруппированная могильная плита с уязвимым миниатюрным датой рождения и смерти — 1923—1971 г. Ближайшая двадцатилетняя годовщина со дня зачаточной кончины. Выходящая плыв в воздухе запах маршута, истощающий от разбитой на стайки толпы поклонников ко всему свету. Милую молодую брину — Батю. Милую и так и не нашу. Нам знать, может, ежу бы шумом безумный примет от молодого поколения из России!

Владимир ЛИСТОВСКИЙ.

● Сцена из спектакля «Двенадцать». Фото А. Александрова.

среде, разбавленная театральными-французами. В один вечер шли широка известный у нас «Стрип-тиза» С. Мрожека и еще не изданная пьеса С. Беккета «Приди-уйди». Сам покойный классик окрестил свое детище загадочным словом «драматизм». Под занавес — изданная, с обильным литературным реминисценцией и аллюзией мини-пьеса «Иона».

«Стрип-тиза» Мрожека — лабораторное исследование, жесткий анализ личности под авторским микроскопом. Задача из учебника по психологии: господиный айсик и господиный «Игра» пересеклись в определенной точке, оба аслили перед «выбором» — кто из них более свободен? И что есть свобода? Вопрос для нас актуальный во все времена, но ответа нет. Ибо яростно потрошат друг друга два несободных человека. Это напоминает сегодняшние парламентские пути на цивилизованность и игры в демократию в тоталитарном тупики. Комизм и парадоксальность ситуации превращают обитателей постановочным ходом режиссера Г. Сиданова, центральные фигуры в театре-студии. Оба героя в течение всего действия сидят в аэрии и в облаках мыльной пены флуктуируют философскими репликами. Два клоуна в широкую реальность — их безумно жалко. В. Шаронов и С. Казанов сумели уловить природу сгущенного гротеска С. Мрожека.